

К НОВЫМ КОНТУРАМ СТАРОВОГО МИРА:

*гиперколониализм, антиколониализм
или многоукладная глобальность?*

Виктор Щербина

доктор социологических наук, профессор, эксперт SG SOFIA

Методологические размышления.

В общественной мысли последних десятилетий парадигма рассмотрения общественных процессов в категориях онтологии основательно дискредитирована вследствие ряда «поворотов» – лингвистического, иконического, коммуникативного, культурального. Вследствие этого составляющий образ современного мира массив знаний о актуальном настоя-

щем был создан таким образом, что процессы общественной жизни не рассматриваются как самобытные, происходящие объективно, то есть независимо от воли и желаний человека. Более того – они видятся как дискретные, мотивированные поисками и реализацией разного рода субъективных значимостей – идентичностей. Кроме того, произошла значительная «историзация» общественного дискурса -

актуальные состояния рассматриваются на основе поиска и установления аналогий с определённым образом выстроенным массивом исторической памяти. Новое знание поэтому выглядит как вариант имеющегося. И тот и другой случаи не позволяют выйти за рамки наличных парадигм организации гуманитарного знания, они закрыты для нового в момент его возникновения и позволяют его увидеть лишь когда оно уже станет частью истории, обретёт своё место в ряду состоявшихся событий.

Это абсолютно нормально и даже необходимо в ситуации, когда мир-система стабильна, когда новое выглядит как её нарушение, когда нет практической необходимости восприятия и осмысления возникающих её новых качеств. Зачем искать новое описание процесса закипания воды, если мы знаем, что это происходит вследствие её нагрева до 100 градусов по Цельсию? А если вода перестала закипать? Нынешний пришедший в движение, «обрушающийся» мир, предполагает, как минимум, прагматичную необходимость задуматься о том, чего же мы не знаем о происходящем и какие качественно новые изменения могут происходить в ближайшем будущем. Здесь нужна другая стратегия осмысления происходящего, основанная сократовском принципе «я знаю, что ничего не знаю, но многие не знают и этого». Попробуем помыслить известные нам факты под углом их интерпретации, предполагающей, что они несут в себе некое неизвестное нам новое содержание, которого нет ни в языке, ни в визуальном образе, ни в коммуникативном процессе или культурном коде.

Когда присутствие целого «разлито» в обществе, когда целостность заявляет о себе во всех жизненных проявлениях, тогда философ своими концептами нахо-

дит резонанс с душами, излишне стесненными порядком и принуждаемыми к порядку, тяготившимися им. В этот период популярна «идея свободы», понимаемая как способ выхода индивида за рамки утвердившегося и кажущегося неизменным, порядка. Когда же общество разорвано, атомизировано, не собрано, когда порядка нет, идентификационные механизмы выстраиваются помимо, а зачастую и вопреки фактам жизни, тогда целое актуально, оно востребовано временем. В этот период популярна идея «единства», идея целостности. Форма новой обретаемой целостности требует политического прагматизма (цинизма), расчета и калькуляции. Негативные последствия обретения общественного целого, принимаемые решения на пути к целому, принуждение к порядку будут всегда. В этом «плохая» сторона всякого нового целого. В периоды исторических переходов идет борьба между сторонниками идей «свободы» и сторонниками «порядка», а идентификационные механизмы разрушаются вследствие этой борьбы и общество утрачивает целостность – возникают предпосылки гражданских конфликтов, исход которых становится результатом исторической практики, а не идейного конструирования.

Современные общества как относительно стабильные системы организации жизнеобеспечения народов утратили целостность, они переживают проблемы исторического характера и глубины. Этот кризис оснований общественной жизни рефлексирован в самых разных формах, его можно рассматривать как на событийном, так и на сущностном уровне.

На событийном уровне проявления современного кризиса миропорядка многочисленны и разнообразны - он предстаёт как обострение общеполитической

международной напряжённости, включая ухудшение отношений между мировыми державами; подрыв геополитической стабильности; разрушение системы контроля над вооружениями и разоружения; угроза подрыва стратегической стабильности в отношениях крупнейших ядерных держав, неурегулированность старых и возникновение новых международных или интернационализированных внутренних конфликтов; кризис взаимодействия держав в рамках системы международных институтов; циклические кризисные проявления в глобальной экономической сфере; кризис взаимодействия в гуманитарной, культурной и информационной сферах с элементами информационной войны. Кризисные проявления исторически асинхронны, происходят на протяжении всего периода после окончания холодной войны, неравномерно распределены географически по регионам и субрегионам мира.

На сущностном уровне многие исследователи говорят о том, что разрушаются фундаментальные основы прежних социальных порядков (идёт завершение «Западной цивилизации»), и возникают новые – происходят изменения, связанные с формированием нового хозяйственного уклада и сменой поколений, которые этот уклад будут реализовывать в перспективе своей жизни.

Так формируется новый исторический горизонт жизни поколений, которые прошли первичную социализацию в период однополюсной системы миропорядка 1991-2014г. Эти перемены имеют глобальный масштаб и характер, но проявляют себя в виде локальных проблем, для решения которых у государств критически мало ресурсов, поэтому государства также стоят перед необходимостью изменения своей природы, меняется иерархия и приоритет их функций, а также способы

и инструменты их реализации. Они востребованы, но не в том качестве, которое способны обеспечить – потому идея изменения государства как формы организации общественной жизни на порядке дня.

Из инструмента обеспечения доступа к ресурсам и механизма социального перераспределения в системе индустриального производства государство становится инструментом обеспечения социальных условий для функционирования «облачного» мирового хозяйства. И, в зависимости от того, какое место в «облачной экономике» формирует конкретное общество в своих трансформациях, формируется и новый характер его государства.

Этот процесс сопровождается революционными переменами в самых разных сферах жизни – от политики и экономики до культуры и религии. Как и в прежние века, столь глубокая трансформация заставляет возвращаться к фундаментальным основам общественного устройства, вырабатывать новые способы решения фундаментальных противоречий. Для нашей современности таковым было и остаётся противоречие между общественным характером производства и частным характером потребления.

В ближайшую нам эпоху оно было сглажено путём формирования социального государства – в XX веке были выработаны и реализованы различные его варианты. Эти государства формировались в ходе развития индустриального уклада мирового хозяйства, их черты были связаны с необходимостью обеспечения перераспределения общественного продукта в индустриально организованном обществе – с относительно устойчивыми большими группами в системе разделения труда, национальным масштабом производства, длительными производственными

циклами, связанными с промышленным производством. Еще одним фактором сглаживания этого противоречия стала колониальная система международного распределения труда, позволявшая получать относительно высокий продукт глобализированной индустриальной мировой экономики в отдельных странах и выводить необходимые для него ресурсы из других. Страны, исторически формировавшиеся как метрополии в колониальной системе, имевшей в своей основе индустриальный способ производства материальных ресурсов, получили преимущества в распределении результатов глобального производства.

В конце XX века на фундаменте индустриализма сформировались основы нового производственного уклада, которые начинают доминировать в процессах общественной жизни. Пришедшая в конце 80-х г.г. на смену двухполюсной социальной модели мироустройства сформировавшихся в середине XX века индустриальных «социал-капитализма» и «капитал-социализма» нелиберальная модель глобального («высокого» или «позднего») однополюсного глобального капитализма стала эффективным средством разрушения социального государства индустриального типа. В её рамках на протяжении последних трех десятилетий возникли новые сегменты производства и потребления, но распределение и обмен оставались в прежней «национально-староиндустриальной» форме. На высшей фазе своего развития эта модель перешла в свою противоположность - стала препятствием для формирования новой системы перераспределения результатов деятельности на основе нового технологического уклада («облачной экономики») и воспроизводства всех её необходимых компонентов.

Противоречие между новыми «платформенными» производством и потреблением с одной стороны и «староиндустриальными» обменом и распределением решается в ходе глобальной «второй трансформации» начавшейся в середине 10-х г.г. нового века.

Процесс выглядит как формальное противопоставление «глобальности» в лице ТНК («мирового правительства») и «локальности» в лице национального государства, по содержанию речь идёт о трансформации того и другого в новую модель соответствующую глубине и масштабам новой системы мирового хозяйства.

В ходе этой трансформации возникает новое, индивидуализированное и персонализированное общество, предполагающее соответствующий характер и направленность отношений по поводу власти и регулирующих их институтов – как государственных, так и негосударственных.

В рамках нового уклада возникли производственные процессы, имеющие транснациональный, глобальный масштаб, неустойчивую, потоковую структуру, включающие неопределённое количество индивидуализированных участников, взаимодействующих в коротких, ускоренных производственных циклах.

В связи с развитием этого уклада возникла неопределенность относительно социального характера новых общественных форм - будет ли этот новый способ хозяйствования организован как «капитализм платформ» или же «социализм платформ»? Какие форма обмена и распределения возможны и необходимы в обоих случаях? Какие именно социальные силы будут организующими в возникновении новых или воспроизводстве на новой основе прежних социальных форм? На какой основе и в каких именно формах эти

силы могут осознавать свои интересы, способны ли консолидироваться и действовать как социально-исторические акторы? Ответы на подобные вопросы можно встретить сегодня самые разные.

При этом все больше формируется понимание того, что эти проблемы будут решаться не на уровне отдельных национально-государственных или даже блоковых образований. Это проблемы, укоренённые в характере и структурной специфике существующего миропорядка, который формировался в последний исторический период - они обусловлены длительно формировавшимся колониальным характером отношений между странами и народами и связанными с этим характером диспропорциями их возможностей в настоящее время. Соответственно, условием решения проблем, которые проявили себя в виде современного глобального кризиса, неизбежно будет изменение этих отношений и ликвидация связанных с ними диспропорций. Вопрос исторической практики – в каком именно направлении.

В данном материале мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты развития колониализма, выделить его фазы с точки зрения современного состояния и предположить возможные перспективы его качественной трансформации.

Становление и этапы развития современной колониальной системы.

Латинское слово «колония» означает «место для поселения», его употребляли в контексте того, как люди из какой-либо более развитого и перенаселенного общества перебирались на новые земли и осваивали новые ресурсы. Процесс распространения человечества по планете в форме организации колоний, получил новый стимул в эпоху цивилизаций, когда

появились новые технологические (орудия труда и войны), социально-организационные (политическая организация, средства коммуникации) и духовно-практические средства (религиозные мировоззрения) для освоения новых жизненных сред. В древности колонии образовывали многие государства - египтяне, финикийцы, греки, римляне. Основная территория, откуда люди переселялись и откуда продолжалось управление новыми обществами, возникающими на освоенных землях, получила название метрополии (от греч. «столица»).

Колонизация представляет собой одну из форм расселения человечества на территориях планеты и в то же время процесс социальной интеграции обществ с различными материально-техническими, социально-организационными и духовно-культурными свойствами, обусловленными спецификой развитой их жизненных сил. В разные исторические периоды она имела различную природу, движущие силы, цели и мотивы, направленность и масштабы.

Первый период развития колониальных систем приходится на рабовладельческий строй, в их основе которого была прямая эксплуатация физических сил человека как биологического существа. Этот период характеризуется тем, что колонизаторы устраивали поселения на новых землях вдали от метрополии с целью занятия сельским хозяйством или торговлей. Колонии того периода не были необходимы для развития метрополий, могли существовать веками, быть относительно независимыми и даже находящимися в изоляции от метрополии. Но при этом они образовывали цивилизационные ойкумены, жизненные миры со схожими свойствами, происходил культурный обмен, формировалась общая история. В это же период возникли первые представления о разделении

мира на качественно разнородные миры – просвещённого демократического Запада и отсталого тиранического Востока, сформированы первые концепции превосходства первого над вторым, неизбежности перехода к новому миропорядку в составе единой империи.

Новый импульс колонизации придала в Средние века мировая торговля и связанное с ней развитие мореплавания. В этот период возникает новый характер развития колониального расселения и история колонизации на долгие века становится связанной с историей «западной» европейской цивилизации, с присущими ей авраамическими религиями.

В сказаниях об Аврааме вера в исключительную связь между божеством и главой какого-либо рода, распространённая в древности среди различных племен на Ближнем Востоке, приобрела форму союза (завета) между Богом и Авраамом. Этот союз включает три основных элемента: избранность потомков Авраама по линии его сына Исаака; обещание дать землю ханаанскую этим потомкам; заповедь следовать установлениям Бога, включающим в себя и этические нормы. Эти положения легли в основу библейского мировоззрения и более позднего иудаизма, они сыграли важнейшую роль в развитии претендующей на универсальность «общечеловеческой» культуры, войдя в видоизменённой форме в основу христианства и ислама. В христианстве место избранного народа занимает церковь, а в исламе избранность передаётся не по линии Исаака, а по линии Исмаила, считающегося родоначальником арабов.

Колониализм – результат восхождения к позиции глобального гегемона обществ, связанных с этим типом религии и поэтому он может быть понят в логике разочарования «озападнятия» мира, то есть

путем понимания логики становления этапов колонизации представителями именно западной цивилизации и присущей её специфической формы социальной жизни в виде капитализма. «Остальной» мир со всем богатством его собственной истории оказался в положении декорации к развитию глобального мироустройства, в качестве не имевшего собственного значения пространства, которое активно разрушалось, осваивалось и переосваивалось в ходе столетних экспансий на него капиталистического уклада жизни.

Изначально на этапе становления капиталистической колонизации выделились итальянские города-республики – Генуя и Венеция, которые, будучи конкурентами в торговле, вели борьбу за сферы влияния на возникавших рынках. На основе возникшей в результате этой конкуренции среды новой мировой торговли сформировался следующий этап колонизации, связанный уже со становлением капиталистического общества и Великими географическими открытиями. Именно в этот период колонизация получила новый исторический смысл и новую движущую социальную силу – капитал и его носителей в лице бизнес-обществ и формируемых ими государств.

Процесс колонизации на этой основе прошёл целый ряд исторически длительных этапов, которые соответствовали различным этапам развития капитализма. В этом ключе можно выделить переходящие друг в друга и развивающиеся в качественном и количественном отношении колониальные системы различных периодов – ранний колониализм эпохи первоначального накопления (португальско-испанский), колониализм эпохи раннеиндустриального (национального англо-, франко-, итальянского), а затем развито-индустриального (империалистических блоков XX в.), и, на-

конец, неколониализм позднеиндустриального периода «высокого капитализма» (американского конца XX – начала XXI в.). В настоящее время мир переживает кризис, связанный с тем, что в свою высшую фазу своего развития вошла охватившая весь мир и выходящая за свои пределы эта последняя неколониальная система. Последняя исторически, но не факт, что не будет следующей – гиперколониальной, основанной на «облачной экономике», системы мироустройства. Определенные предпосылки к тому имеются.

Развитие капитализма как уклада общественной жизни, целью которого выступает производство прибавочной стоимости, предполагает постоянный рост интенсивности социальных отношений (оборот капитала), расширение их ресурсной базы (конкурентоспособность), а также глубины охвата этими отношениями всех сторон жизни обществ. «Экспансия» логики производства прибавочной стоимости, начавшись в сфере торговли, вскоре была перенесена в сферу производства, культуры, социальных отношений и теперь мир стоит перед экспансией этой логики в мир частной жизни отдельного индивида. Этот уклад формирует неравновесные общества, стремящиеся к постоянному изменению на каждом историческом этапе, с неизбежностью прогрессирующие технологически, организационно, культурно. Такая логика общественной жизни становится определяющей в жизни обществ вот уже более пятисот лет и воспринимается многими как единственно возможная. Интенсификация общественной жизни неизбежно стимулирует экспансию живущих по этому принципу стран и народов на весь остальной мир. Последний выступает для них в качестве пространства, подлежащего освоению и преобразованию в соответствии с собственными потреб-

ностями, собственными представлениями о должном и сущем. Весь мир с этой позиции подлежит включению в новые, создаваемые на логике воспроизводства капитала, пространство и время – физические, социальные, сакральные. Это ломает «устаревшие» времена и пространства, образованные иные, чем западный, цивилизационные миры. Но пространство экспансии не бесконечно, оно ограничено планетарным характером человечества.

Как только европейцы открыли Америку, они стали устраивать там свои поселения, откуда потекли «реки золота» в Европу, подчинив себе существовавшие там государства и народы. Так сформировались первые колониальные империи — Испанская и Португальская. Они продемонстрировали полученные новые ресурсы остальным народам Европы и создали спрос на колонизацию как инструмент конкуренции и выживания. Золото и серебро из Нового света подорвали экономическую систему тогдашнего европейского континента и заставили искать новые источники извлечения прибыли, одним из которых стало производство. Чуть позже, в конце 16 - начале 17 вв. как крупная колониальная держава выдвинулись Нидерланды, овладевшие на пике своего могущества большинством португальских колоний на востоке. В свою очередь, нидерландская колониальная гегемония была ликвидирована Англией в результате англо-голландских войн 17 в. В конце 17—начале 18 вв. на путь колониальных захватов вступила Франция. Так были заложены основы мировой колониальной системы империализма, получившей свое наивысшее развитие уже в 19 веке.

Этот период в 60-х г.г. 20 века завершился распадом колониальной системы и началом формирования новой формы организации отношений между страна-

ми-колониями метрополиями – неокOLONиализма. Здесь ликвидировалось противоречие между метрополиями таким образом, что в мире осталась одна метрополия, а неколонизированная часть мира на какой-то период была организована на иных принципах жизни народов.

После распада СССР возникли условия для включения в неокOLONиальную систему уже и этой части мира. Возникновение новых независимых государств и их развитие было частью и средством колонизации «освободившихся» ресурсов – природных, производственных, человеческих. Так глобальная неокOLONиальная система вступила в свою высшую фазу, которая за тридцать ближайших лет составила этап новейшей истории.

В разных странах процесс нео-колонизации происходил по-разному, оказавшиеся в положении «держателей ресурса» элиты вступали в сотрудничество, пытались торговать или сопротивляться. Поэтому в разных странах образовались различные по своей суверенности социальные системы – но они уже не имели к тому времени системного, определяющего глобальный мир качественного значения и веса. НеокOLONиализм стал монополярной силой и с этого момента всё начало меняться – успешный процесс завершился новейшим глобальным кризисом, уже не разрешимым прежним образом, он подрывает фундамент сложившегося мироустройства. Этот кризис не одномоментный, он имеет свою длительность и начался с процессов делигитимации, с возникновения новых идейных поисков.

Система глобального неокOLONиализма строится по принципу вертикального структурирования. «Считается, будто некая «невидимая рука» рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком,

и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которой является денежный механизм». [1.] Это не безличный Левиафан, а вполне конкретные люди, обладающие сверхкапиталами; круг лиц, владеющих главными государственными и частными финансовыми учреждениями – банками, страховыми компаниями, крупными фирмами и концернами, обладающими колоссальными суммами денег и выполняющими функции, аналогичные функциям банков. Эти люди управляют экономикой второго уровня, использующей создающую материальные ценности экономику первого уровня в качестве источника доходов. Миром правит символическая, виртуальная экономика, в которой циркулируют суммы «условных денег», во много десятков раз превосходящих суммы, обращающиеся в реальной экономике. Править миром экономике второго уровня дают возможность не только огромные суммы, циркулирующие в ней, но и приоритет денег как высшей ценности западного общества, навязываемой всему миру. Суть денежного тоталитаризма в том, что «из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия» [2.]

НеокOLONиализм – ставший в последнюю четверть XX в. вид отношений между странами и народами, когда в дополнение к прямому политическому подчинению используются финансово-экономические средства, основанные на военной и экономической мощи и культурной гегемонии. НеокOLONиализм применяет более тонкие и незаметные механизмы, но суть остаётся прежней – неравноправные отношения и использование

ресурсов покорённых стран и народов. Важными элементами неокOLONиальной политики стали кредиты и займы, создание филиалов крупнейших западных компаний и смешанных предприятий в неокOLONиях, вывоз капитала и др. К методам неокOLONиализма можно отнести насаждение коррупции и прямой подкуп политических элит, разжигание конфликтов для передачи власти подконтрольным лидерам, поставки оружия политическим фаворитам, использование гуманитарной помощи в качестве инструмента манипулирования и вооруженной силы во имя поддержания мира.

В неокOLONиальных странах находится и выращивается местная элита, выражающая интересы метрополии. Главной особенностью, отличающей коллективный (корпоративный) неокOLONиализм от традиционного колониализма, является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту неокOLONий, но в интересах метрополии. Управление это не столь жестко и линейно, как при колониализме, поскольку оно дополняется не менее эффективным экономическим управлением посредством международных организаций и транснациональных корпораций. Глобальный характер современной неокOLONиальной системы определяется тем, что в ней сформировалась единая метрополия, осуществляющая руководство всеми неокOLONиями. При этом глубинная суть взаимоотношений метрополии и колонии остаётся неизменной. Глобальное управление со стороны метрополии ведет к невозможности политического суверенитета для неокOLONий, периферийности их экономики, уменьшению численности населения, снижению обороноспособности, засилью чуждой местным традициям массовой культуры, идущей из метрополии. К основным признакам неокOLONий

обычно относят следующие: отсутствие науки и высоких технологий; низкая продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких и недалеких специалистов образование; потребление населением продуктов, изготовленных в соответствии с упрощенными стандартами; низкий уровень здравоохранения; вынужденность политических решений в интересах метрополии; выкачивание интеллектуальных и сырьевых ресурсов; желание жителей неокOLONий эмигрировать и посылать своих детей учиться в метрополию и т. д.

Если на первоначальных стадиях колонизации метрополии стремились разрушить основы общественной организации захватываемых народов, то затем этот процесс стал предполагать создание для них новой, формально независимой общественно-политической системы, которая бы соответствовала потребностям транснациональных корпораций. При этом капитализм в ходе экспансии на весь мир породил тенденцию к хозяйственному сближению отдельных стран, к уничтожению национальной замкнутости и постепенному объединению разделённых пространственно больших территорий в единый комплекс мирового хозяйства. Экономическое объединение происходило путём политического подчинения колоний и зависимых стран метрополиями. Отдельные национальные хозяйства в XX веке превратились в элементы единого мирового хозяйства и стали зависеть уже не от бывших метрополий, а от состояния глобальной хозяйственной системы в целом.

Путём захвата и ограбления колоний метрополии удерживали растущие противоречия внутри своих стран - за счёт ресурсов колоний повышался общий уровень жизни в метрополиях, сглаживались

социальные противоречия и гасились протестные движения. Но то же время эксплуатация колоний обостряла противоречий капиталистической системы в целом.

В эпоху империализма колонии были наиболее надёжным и выгодным пространством приложения капитала и получения сверхприбылей за счёт монопольного положения в хозяйственной системе. Финансовая олигархия, проникая в отсталые страны, разлагала докапиталистические формы хозяйства – мелкое ремесло, полунатуральное мелкокрестьянское хозяйство и вызывало развитие капиталистических отношений. В целях освоения ресурсов строились железные дороги, создавались промышленные предприятия по добыче сырья. Но в то же время в колониях задерживался рост всего комплекса производительных сил, что лишало эти страны условий, необходимых для их самостоятельного экономического развития. Хозяйственная отсталость облегчает сохранение власти над зависимыми странами и усиление эксплуатации этих стран. Лишённые условий для самостоятельного индустриального развития, колонии и полукolonии остаются аграрными и добывающими странами, индустриальный уклад если и формируется, то в сфере первичной переработки. Источниками существования преобладающей массы населения этих стран является сельское хозяйство, скованное полуфеодальными отношениями. Это делает востребованными такие же архаические формы культуры и самосознания, в культурных политиках воспроизводится трайбализм, этнонационализм и ксенофобию, сочетающиеся с преклонением к культуре метрополий. Застой и деградация сельского хозяйства задерживают рост внутреннего рынка, удерживая общества в доиндустриальном состоянии.

В эпоху империализма возрастает значение колоний как рынков сбыта для метрополий. При помощи соответствующей таможенной политики метрополии ограждают колониальные рынки сбыта от посторонней конкуренции, в том числе и худшие товары, которые не находят сбыта на других рынках. Неэквивалентность обмена метрополия-колония постоянно растёт. Колонии служат источником крайне дешёвой, зачастую почти даровой рабочей силы, использование которой обеспечивает особенно высокие доходы от капиталов, вложенных в колониях и зависимых странах. Помимо того, метрополии ввозят из этих стран сотни тысяч рабочих, выполняющих особенно тяжёлые работы за нищенскую оплату.

В обстановке, когда мир был уже поделён и шла постоянная борьба за его передел, империалистические державы из стратегических соображений стремились овладеть любыми землями, независимо от их хозяйственного значения. Они захватывали территории, имеющие или могущие иметь какую-либо ценность в качестве опорных пунктов, военно-морских или военно-воздушных баз.

Процесс формирования колониальной системы империализма представлял собой ряд длительных исторических периодов колониальных грабежей и захватов, произвола и насилия. Многие народы были обращены в колониальное рабство, испытывали национальный гнёт и несправедливость. Все это сопровождалось борьбой империалистических держав между собой за господство над народами колониальных стран в формате мировых войн.

Кризис и современные ревизии идеологии колониализма.

Практики колонизации мира порождали

соответствующие культуры – экономическую, политическую, духовную, правовую. В этом процессе сформировались соответствующие социально-философские концепции, которые возвышали и легитимировали происходящее, представляя колонизацию естественной и необходимой в глазах участников исторических событий. Эти конструкты составили громадный массив европейской культуры, субъективно мотивировали участников событий к социально активной деятельности, наполняли её смыслом.

В то же время развитие колониальной системы мироустройства породило различные формы реакций, которые стали проявлять себя, как только колониальная система развилась и стала вступать в состояние кризиса. Этот кризис проявляет себя прежде всего на идейном уровне, задавая новые горизонты будущего, которые были бы связаны с уходящей эпохой. Под давлением новых исторических обстоятельств происходит ревизия, переосмысление основных фундаментальных идей, на которых был построен колониальный и неоколониальный миропорядок. Пришла в движение массовая культура всего колониального периода, обнажая все более ранние, казалось бы окончательно исторически оформившиеся и незыблемые, её пласты.

На первом этапе своего развития колониальная система Нового времени опиралась на религиозную идею божественного промысла и спасения, свойственную авраамическим мессианским религиям. Согласно этой идее колонизация представлялась как выполнение священной миссии по обращению в истинную веру стран и народов, она описывалась как борьба добра со злом. Эта идея была укоренена в идеологии средневековой Европы, где целью мессианства было создание

(огнём и мечом) всемирной христианской империи. Смыслом колонизации на этом этапе виделось обращение народов на путь спасения, основной ценностью здесь виделось их приобщение к духовному миру истинной церкви и поставленного на правление в мире христианского монарха. Альтернативой этой религиозной идее выступала также религиозная идея о гибельности перспективы для тех, кто сопротивляется колонизаторам в их праве на насильственные действия.

На следующем этапе капитализма с индустриальной технологической и социально-организационной основой, колонизация опиралась уже на светскую идею истории и прогресса. При этом сама идея развивалась по мере развития капитализма. На этапе раннеиндустриального капитализма речь шла о национальных прогрессе и истории, на этапе развитого империалистического индустриализма - о европейских, а на этапе неокOLONIALИЗМА процесс колонизации представляется уже как всемирно-исторический прогресс, обогащающий все народы (в частности, поэтому возникает концепт «завершения истории» неолиберальным порядком).

Исторический смысл колонизации содержательно мыслится здесь уже как развитие материальной и общественно-политической жизни народов, как приобщение их к миру модерна, цивилизации и становление на путь прогресса. Моральные сантименты в этой ситуации отбрасываются, религиозные нормы рассматриваются сквозь призму прагматики накопления прибавочной стоимости. Ценностями здесь выступают индустриализация, права человека, перспектива повышения уровня благосостояния, политическая демократия и освобождение от оков традиционных общественных связей, открытие пути в будущее.

ственных связей, открытие пути в будущее. Эта идея реализовалась на этапе становления глобальной системы индустриального колониализма. В рамках этой идеи возник целый ряд оправдывающих практики колонизации социальных теорий – антропологических концепций расового превосходства, географического детерминизма, социал-дарвинизма.

Идея прогресса на основе развития индустриальной экономики и рационального социального уклада имела два варианта реализации – коммунитарный и либертарный. Это выразилось в идеологии социального освобождения путём создания «наций-метрополий» в виде либерально-демократических либо национал-социалистических государств, которое оставалось бы метрополиями, опирающейся на ресурсы колоний. В конечном итоге исторически победила либертарная модель с идеологией глобального неолиберализма.

В систему неоколониализма после 60-х.г.г. включается Африка, затем Азия и, наконец, после 1991г. в неё были включены также страны и народы бывшего СССР и восточной Европы. Так система неоколониализма получила своё окончательное завершение и стала глобальной. «Господи, благослови Америку!» - провозгласил президент России Борис Ельцин в своей речи в конгрессе США 17.06.1992 года. На остатках колониальных империй первой половины 20в. возникла новая, неоколониальная, система организации мирового хозяйства, которая в своей высшей фазе завершилась становлением однополярного неолиберального мирового порядка.

Центральную роль в легитимации неоколониального порядка выполняет квазирелигиозная идея о исключительной исторической роли США как страны-гегемона с особой, исключительной ролью в чело-

веческой истории. Здесь речь идёт уже не о простом удовлетворении потребностей и прогрессе, а о их особом харизматическом качестве богоизбранной нации, о связи легитимной власти в колониях с первородством культурного и социального мира США, ставшего венцом всей предшествовавшей истории человечества. Это легитимирует концепт мирового господства одной страны в системе ставшего глобальным безальтернативным способом общественной организации неколониализма.

Мировое господство определяется как механизм осуществления власти, основанной, прежде всего, на вооружённой силе и экономической мощи, которые используются для контроля других государств. Мировая гегемония рассматривается как сложение двух начал – господства (силовые и экономические ресурсы) и влияния (идеологические, культурные, информационные ресурсы), переходящего в господство с неизбежными элементами диктата и/или подавления несогласных. Мировое лидерство предполагает наличие общих интересов у лидера и его последователей, добровольное признание авторитета лидера, формирование лидером ценностных ориентаций, которые побуждают другие государства имитировать его политическое и экономическое устройство, политические и культурные ценности, принимать легитимность лидерства как элемент собственного цивилизационного развития. Важными факторами, способствующими активному развитию идеи мирового господства, стали особенности иммигрантской культуры, а также религиозный фактор, определивший стратегию национального мессианства, «замешанной на теории божественной предопределённости пуритан». [3.] Теоретическими основаниями доктрины мирового господства стали идеи «исключительности» и

«богоизбранности» американского народа и американской политической системы, среди которых теория «исключительности» американских политических ценностей Б.Адамса, теория расового превосходства Дж.Фиске, идея исключительности англо-саксонской расы Дж. Барджеса, теологическая теория «предопределенной судьбы» США Дж.Стронга, теория превосходства американской расы как знака «космической тенденции» Дж. Хая, доктрины «проявленной судьбы» Дж.О'Салливана. Доктрины всемирной империи Дж. Стронга, «подвижных границ» Ф. Тэрнера, «морской мощи» А.Мэхэна, модели «Хартленда-Римленда» Н.Спайкмена, основанные на принципах военной и экономической мощи и идее «исключительности американской расы», стали теоретическим основанием геополитических стратегий экспансионистской политики США. Г. Киссинджером после окончания «холодной войны» разрабатывается концепция нового мирового порядка, характер которого определяет мировая гегемония США. Наряду с дальнейшей разработкой геополитических и геоэкономических стратегий важнейшей стратегией внешней политики США как мирового гегемона, должна стать стратегия продвижения американских ценностей, которые позиционируются как «универсальные истины». К установлению мировой гегемонии, по мнению Г.Киссинджера, необходимо подходить поэтапно и «каждый из этапов должен представлять собой сплав из американских ценностей и геополитических потребностей». [4.] Необходимость разработки нового мирового порядка и новых внешнеполитических стратегий управления глобальным пространством, «легитимизирующих мировое лидерство США», обусловлена однополярностью мировой системы, усилением глобализаци-

онных процессов и истощением ресурсов США. Среди внешнеполитических стратегий разрабатываемых З.Бжезинским: стратегия разделённой ответственности и переход от «одностороннего доминирования» к «консенсусному лидерству», дающая возможность США перекладывать на Европу часть своих затрат по формированию нового мирового порядка; стратегия направления противостояния различных государств и культур в русло, контролируемое США; стратегия формирования идеологии глобализации как идеологии мирового лидера; стратегия по легитимизации, предложенной США, модели мирового порядка; стратегия перехвата руководства движением «политического обновления», разворачивающегося в странах третьего мира. Особое значение в американской политической науке занимает концепция Всеобщей Универсальной Истории Ф.Фукуямы как попытки идеологического обоснования легитимности мирового лидерства. Теоретико-методологически принципами этой концепции являются принципы линейности исторического процесса и универсальности американских ценностей, которые обосновывают основной вывод: «история человечества развивается по направлению либеральной демократии, принципы и идеи которой уже реализованы американским государством, поэтому целью Всеобщей Универсальной Истории человечества и условием его развития является установление мирового лидерства США». В условиях поликультурности мира формируются новые внешнеполитические стратегии США, в том числе и стратегия «легитимизации западных ценностей» С.Хантингтона, рассматривающего современное политическое пространство, прежде всего, как цивилизационное пространство. В этой связи, по мнению политолога, при

формировании внешнеполитических стратегий от США требуется более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ других цивилизаций, укрепление международных институтов, отражающих и легитимизирующих интересы и ценности США, интегрирование экономики незападных обществ в глобальную экономическую систему в которой США занимает ведущее место. Целью стратегии «легитимизации западных ценностей» является обоснование политики сохранения «ведущего положения США и отстаивания собственных интересов, определяя их как интересы «мирового сообщества». [5.] Критерии эффективности внешнеполитических стратегий США в информационную эпоху разрабатываются в концепции «soft power» Дж.Найя, согласно которой для формирования внешнеполитических стратегий мирового лидера в условиях глобального и информационного мира необходимо использовать технологии создания позитивного морального и культурного имиджа страны, что станет «ключом к успеху». [6.] Критерием эффективности внешнеполитических стратегий должно стать «желание, побуждающее другие государства имитировать черты поведения страны-лидера», ее экономическое и политическое устройство, политические и культурные ценности. Анализ доктрин миропорядка в американской политической науке дает основание сделать вывод об эволюции их характера и соотношения элементов господства, гегемонии и лидерства. Если в американской политической науке до окончания «холодной войны» разрабатывались теории и концепции миропорядка, характер которого определял мировое господство США, то в условиях однополярности глобализирующегося политического пространства акцентируется внимание на моделях мировой гегемонии

и мирового лидерства. Соответственно расширяется арсенал ресурсов внешнеполитических стратегий США от геополитических и геоэкономических, основанных на военной и экономической мощи, до стратегий «мягкой силы» и стратегий легитимизирующих мировое лидерство США.

Кризис высшей фазы неокOLONIALИЗМА.

В своей речи, посвящённой дню независимости США 4 июля 2020г., президент Дональд Трамп провозгласил, что американцы «свергли коммунистов» и теперь им предстоит справиться с нашествием «радикальных левых» «Американские герои победили нацистов, низложили фашистов, свергли коммунистов, спасли американские ценности», - заявил он. Однако президент США уверен, что на этом миссия «героев» в стране не закончилась и их ждут новые свершения: «Сейчас мы в процессе того, чтобы победить радикальных левых, марксистов, анархистов, подстрекателей, мародеров и людей, которые во многих случаях сами абсолютно не понимают, что они делают». При этом несколько ранее он заявил, что США больше не будут выполнять роль «мирового жандарма». Пафос подобных политических заявлений вполне соответствует идеологии мирового лидерства. Вместе с тем отношение как к Д.Трампу, так и к роли США в мире поменялось. В этот же день протестующие собрались возле Белого дома, где некоторые из них принялись топтаться по флагу. После этого, скандируя «Америка никогда не была великой» (изменённый лозунг президента Дональда Трампа «Сделаем Америку снова великой»), сожгли государственный символ. Таки же акции прошли в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Портленде. Правозащитница и борец за права темнокожих Анджела Дэвис утверждает, что нынешние активисты фокусируются на структур-

ных проблемах, а не требуют привлечь к ответственности отдельных людей: «Вообще, термин «расовый капитализм» использовал профессор афроамериканистики, политолог Седрик Робинсон, который подчёркивал, что капитализм всегда был связан с расизмом — с самого начала и по сегодняшний день. То есть не следует рассматривать расизм и капитализм как два отдельных явления, потому что они взаимосвязаны. Однако сейчас, как мне кажется, наступил поворотный момент — не только для США, но и для всего мира.» [7.]

Система неколониализма утратила свою легитимность и находится в состоянии дестабилизации. Идея мировой гегемонии исторически исчерпана, ведь её потенциал полностью реализован – она воплотилась в реальных шагах и их последствиях, стала частью новейших исторических условий, в которых формируются новые поколения со своей исторической повесткой. Идея мировой гегемонии, перестав быть действующей «практической утопией» современной неокOLONиальной системы в её высшей фазе, переосмысливается и подвергается радикальной критике с самых разных позиций. По мере того, как эта критика набирает оборотов, она охватывает все большее и большее число компонентов колониализма как принципа мироустройства, заставляя сомневаться и в тех её реалиях, которые, как казалось, давно стали незыблемыми константами. Концепт «всемирности» истории в её колониально-прогрессистском изводе отвергается народами, устремившимися на поиски собственной исторической памяти, стертой в ходе разворачивания глобального колониального дискурса. «Не-колониальные» и «до-колониальные» компоненты жизни народов обретают ценность в их глазах, формируется движение за реституцию культурного самосознания. Обсуждения проблем возвращения культурных ценностей еще недавно касался исключительно «трофейного искусства»,

сменившее владельцев во время Второй мировой войны, и возвращение незаконно приобретенных объектов из музеев в частную собственность. Теперь в дискуссия на эту тему речь идет об артефактах бывших колоний, о праве бывших колониальных народов на публичный доступ к своему культурному наследию. Вместо «законности», общим местом этих дебатов стала апелляция к «справедливости». Симптомом этого поворота можно считать заявление президента Франции Эмманюэля Макрона, призвавшего в конце 2018 года к полной реституции объектов африканского наследия, находящихся в собственности французских музеев. [8.] Опубликованные тогда же результаты исследования, проведенного по его заказу показали, что 90% африканских артефактов находятся на данный момент за пределами черного континента. Если коллекция Британского Музея насчитывает 69 тыс. таких объектов, Музеи Ватикана – 70 тыс., а Форум Гумбольдта – 75 тыс., то во всех национальных музеях Африки наберется от силы 3 тыс. экспонатов, относящихся к африканскому наследию. Бельгийские музеи столкнулись со шквалом запросов о реституции культурного наследия колониальной эпохи. Новая Зеландия и Конго обратились к бельгийскому правительству с просьбой о возвращении конкретных артефактов из Музея искусства и истории в Брюсселе. Новая Зеландия требует вернуть останки коренных жителей маори, а Конго хочет вернуть архивы, вывезенные в начале XX века. Просьбы о реституции последовали после учреждения в марте 2019 года комитета по рассмотрению происхождения ряда предметов, хранящихся в настоящее время в национальных институтах Бельгии. В мае 2018 года уполномоченная правительства ФРГ по вопросам культуры и СМИ Моника Грюттерс (Monika Grütters) представила 132-страничную брошюру, в которой подробно рассказывалось о том, как надо обращаться с музей-

ными ценностями колониальной эпохи, и обязалась обеспечить государственное финансирование провенанса - исследовательской работы по установлению происхождения подобных экспонатов из собраний немецких музеев.

Запрос на возвращение африканского искусства сформулирован не президентом Франции – эту борьбу уже много лет безуспешно ведут сами африканские страны, получая в ответ на свои претензии ссылки на законы о неотчуждаемости музейных коллекций и заявления о важности универсальных музеев. По сути, это борьба за право быть (а не просто считаться) субъектом международных отношений, за право доступа к собственной истории, за «восстановление справедливости.

Движение по реституции культурного наследия - лишь частный пример того, как исторический прогресс начинает переосмысливаться, он все больше выглядит как угроза экспансионизма и утраты народами своей самобытности. «Всемирность» истории воспринимается как узкий европоцентристский взгляд, который отказывает другим народам в самобытности, не позволяет видеть глубину их собственной истории, лишает права исторической субъектности. Мировое господство и лидерство США воспринимаются определенными странами как не оправдавшие надежд на достижение мировой гармонии, как идеологические конструкты для прикрытия прагматичных и антигуманных интересов транснациональных корпораций. Разумеется, на этом пути производится множество заблуждений и откровенных фальсификаций, свою роль играет «глобальная культура» выстроенная «машинами производства желаний» Голливуда и индустрии компьютерных игр. Процесс выхода за рамки неоколониального

мира весьма непростой и нелинейный, его результаты принадлежат ближайшему будущему и то, каким будет культурный ландшафт, возникающий после гегемонии США, сказать трудно. Но он будет иным.

Всё человечество оказалось включенным в единый глобальный оборот капитала, возникла новая историческая ситуация – пространства экстенсивного развития капиталистических отношений в начале 21 века уже нет, система начинает его производить из собственных составляющих. Сообщества, находящиеся в стадии ранне-индустриального или пред-индустриального развития в результате культурных, политических экономических экспансий, сопровождающихся неолониальными войнами в виде гибридных войн и «цветных революций) превращаются в новые пространства колониальной экспансии. Это, в свою очередь, вызывает сопротивление нового типа со стороны тех, кто не хочет оказаться в положении «подножного корма» глобального капитализма. На основе напряжений и конфликтов этого этапа исчерпанности неоколониальной системы глобального миропорядка, разворачивается борьба за варианты будущего – либо мира без колоний и метрополий, либо с их сохранением. Средствами такой борьбы становятся (как и в прежние века) , наивысшие технологические, организационные, духовные достижения в руках тех социальных групп, которые по своему положению и обусловленным этим положением социальными интересами, объективно заинтересованы в том или ином варианте будущего.

Неопределенность и перспективы перехода к новому технологическому укладу.

В ситуации кризиса современного идей-

ного основания глобальной колониальной системы формируются как минимум две перспективы – либо её перезагрузка на новом идейном основании, либо выход из эпохи колониальной взаимозависимости глобализированной системы мирового хозяйства и социокультурных систем в качественно новое состояние, отрицающее принципы колониализма.

Эти перспективы можно назвать гиперколонизацией и антиколонизацией мировой системы. С ними связаны приходящие на смену социальной идее всемирной истории и прогресса соответствующие указанным вариантам завершения периода неоколониализма антропологические идея технологического трансгуманизма и идея реализации полноты природы человека.

Идейная основа гиперколониализма.

Одной из новых идей, на которых может происходить перезагрузка глобальной неоколониальной системы в гиперколониальную, может быть идея наступления эпохи трансгуманизма, эпоха превращения человека в новое существо с новой, кибернетической основой. Согласно этой идее все общества должны качественно измениться и получить новую единообразную основу в виде искусственного интеллекта - кибернетических алгоритмов, которые будут наиболее успешно регулировать качественно новый уровень сложности социальной жизни, «сверхсложность».

Искусственный интеллект в этом ракурсе подаётся как новая фундаментальная прогрессивная идея, заменяющая собой прежние идеи движущих сил социальной жизни – идеи Бога и Истории. Идея искусственного интеллекта может выступить (быть использована) для легитимации новой социальной реальности, которая укрепит отношения колоний и метропо-

лий путем влияния не только на политическую, экономическую и культурную общественные сферы, но на повседневный мир каждого индивида, живущего в обществе. Основы этой новой реальности успешно создаются и входят в нашу жизнь как технологические новшества. Они таковыми и являются – вопрос лишь в том, каким будет характер их социального использования.

Пафос трансгуманизма состоит в вызове природе человека: «Мы больше не согласимся жить под тиранией старения и смерти и при этом будем использовать биотехнологии, чтобы «вооружить себя повышенной выживаемостью и ликвидировать старение». Мы усовершенствуем наши познавательные способности и проницательность посредством технологических улучшений органов чувств и нейронных возможностей. Больше мы не будем мириться с волей слепой эволюции – скорее мы будем «стремиться к исчерпывающему набору телесных форм и функций, совершенствуя и укрепляя физические и интеллектуальные способности, делая их выше, чем у любого человека в истории». Мы больше не будем довольствоваться ограничениями своих физических, интеллектуальных и эмоциональных способностей, сохранившихся от углеродных жизненных форм.» [9.]

Идея спасения ранее относилась к посмертному бытию, спасению души, затем она трактовалась применительно к строительству «нового мира», сейчас же она предстает как перспектива изменения самой биологической природы каждого человека. Разумеется, в первую очередь того, который будет пионером нового мира, будет нести свет новой истины.

Трансгуманистические мыслители изучают потенциальные выгоды и опасности новых технологий с позиций преодо-

ления «фундаментальных ограничений» человека, а также этические ограничения использования таких технологий. Наиболее распространенный их тезис состоит в том, что люди в состоянии расширить свои способностями так, что станут постчеловеческими существами.

Так, Питер Тиль (Peter Thiel), создатель системы PayPal, считает, что «не пытаться победить смерть — против человеческой природы», и активно инвестирует в такие компании, как Фонд Мафусаил. Его поддерживает сооснователь и директор по технологиям корпорации Oracle, Ларри Эллисон (Larry Ellison), который не понимает готовность людей мириться с тем, что они смертны. Сооснователи Google Лэрри Пэйдж (Larry Page) и Сергей Брин (Sergey Brin), как и Марк Цукерберг, также инвестируют в исследования по продлению жизни. Последователи движения трансгуманизма уверены, что человек сможет эволюционировать (несмотря на все физические и умственные ограничения) в «суперчеловека» и в итоге достигнуть бессмертия. Рэй Курцвейль (Raymond Kurzweil) утверждает, что человек сможет стать бессмертным уже через 30 лет, перенеся свое сознание в компьютер. И первые шаги в этом направлении уже сделаны. Bina48 — это роботизированная голова, которая выглядит и говорит как человек и является «копией» реально существовавшей женщины — Бины Аспен (Bina Aspen). В робота загрузили воспоминания, чувства, политические взгляды реальной Бины. Робо-голова может поддерживать беседу и демонстрировать эмоциональный отклик, шутить и даже философствовать. Bina48 также обладает способностью к обучению: её словарный запас и знания продолжают расти с каждым днём общения с людьми. Несмотря на то что в настоящее время она не имеет тела, одна

её голова может выражать более чем 64 эмоции, которые основаны на генерируемой и получаемой извне информации. Цифровое бессмертие также связано со многими этическими вопросами. Например, футурист и генеральный директор успешной биотехнологической компании United Therapeutics, создавшей Bina48, Мартина Ротблат (Martine Rothblatt) всеерьез обеспокоена правами цифровых людей и их возможной дискриминацией. Ротблат уверена, что отрицание достижения сознательности у машин в будущем равноценно отрицанию эволюции человека. Человеческое сознание объясняется всего лишь наличием нейронных связей и взаимодействием атомов в мозгу. Поэтому и компьютеры могут быть сознательными — этот факт лишь подтверждает то, что мы живем в материальном мире. Каждый день люди загружают информацию о себе в социальные сети, создавая так называемые майнд-файлы. Появление программы, которая бы обрабатывала эти данные и выступала своеобразным протезом, помогающим создать виртуальное сознание и мышление, лишь вопрос времени. Однако большинство людей сегодня уверены, что искусственный интеллект не может считаться человеком. Поэтому Ротблат предлагает проводить серьезную процедуру признания такого интеллекта сознательным, которая может включать в себя год общения с психиатрами.

Искусственному интеллекту не обязательно копировать чью-то личность, он вполне может развиваться самостоятельно. Одной из современных разработок в этой сфере является японский робот Alter, в основе которого лежит нейронная сеть. В него встроены различные датчики, определяющие влажность, температуру и даже количество людей в комнате, что влияет на поведение робота.

Создатели Alter, ученые из университета Токио и университета Осаки, отмечают, что он выглядит и движется не как человек, но создает иллюзию человечности.

Илон Маск, основатель компании SpaceX видит будущее человечества во внедрении в мозг цифрового чипа, который бы выступал в роли беспроводного интерфейса для связи с компьютером. Такой подход позволит повысить уровень человеческого интеллекта, чтобы не отстать в развитии от ИИ. При этом следует отметить, что если улучшение мозга пока недоступно человеку, то вживление чипов в организм уже стало реальностью. Например, чипы RFID и NFC сегодня можно легко купить в интернет-магазине. Создатель проекта Dangerous Things Амал Граафстра (Amal Graafstra) считает, что такие имплантаты — следующий шаг в эволюции человека. Расширить способности человеческого тела возможно и с помощью протезов нового поколения. Уже сегодня ученые разрабатывают протезы, которые напрямую связаны с нервной системой. С помощью 3D-печати изготавливаются индивидуальные искусственные конечности и внутренние органы для трансплантации. Одним из направлений трансгуманизма также является биохакинг. Всего за \$199 любой человек может заказать анализ ДНК, чтобы узнать о состоянии своего здоровья и возможных генетических заболеваниях. С помощью исследования ДНК ученые даже пытаются понять природу депрессии. Международный проект «Геном человека» — самое известное исследование в области ДНК. Определение структуры человеческих генов является важным шагом для разработки новых медикаментов и развития других областей здравоохранения. Но этот проект не оставляет без внимания этические, правовые и социальные аспекты расшифровки ДНК: уже были зафиксиро-

рованы случаи генетической дискриминации в страховой индустрии. Но понимание генетической информации только первый шаг на пути к совершенному человеку. Сегодня разрабатываются технологии, которые позволят изменять геном человека. В Манифесте стратегического общественного движения «Россия 2045» говорится о создании искусственного тела как целостной самоорганизующейся системы, которое получит «огромный спектр возможностей, сможет легко переносить экстремальные внешние условия». [10.] Помимо изменения телесности, предполагается также утверждение в обществе новых смыслов и ценностей, с помощью которых индивиды смогут духовно и психологически самосовершенствоваться.

В широком смысле трансгуманизм - это освободительное движение, силу которому придают условия поднеиндустриального общества с его узким диапазоном индивидуальной самореализации в качестве «одномерного человека», с давлением массовой культуры и высоким уровнем неуправляемых рисков. Однако это кажущееся освобождение выглядит как более глубокое порабощение человека с использованием новых технологий – теперь уже путем непосредственного подключения к искусственному киберкоммуникативному миру его индивидуального жизненного мира и «мыслящего тела», индивидуальности. Это новое состояние предполагает индивидуализацию всех социальных связей – освобождение от групповой ограниченности, но и от групповой защищенности также.

В определённом ракурсе искусственный интеллект, алгоритмы бигдата видятся как средство рациональной оптимизации процессов глобальной гипер-колониальной системы - но уже на новом уровне

интенсивности и глубины использования ресурсов, как более глубоко присутствующее в человеческом мире средство обеспечения более высокой скорости оборачивания капитала.

Как продолжение исторически фундаментальной для Западной цивилизации идеологии колонизации мира этот конструкт представляет собой вариант религиозного мировоззрения «пророческого типа» - вариант, предполагающий неизбежность неравенства элементов мирового устройства, неравенства между его участниками и связанную с этим необходимость новых форм насилия и контроля.

Результатом неприятия такого насилия и контроля в рамках такого видения мира представляется рост хаотизации и рисков, неизбежно ведущих к упадку всей глобальной системы, распаду мира на отдельные враждебные анклавы, наступления новых «темных веков». Идея истории в этой ситуации не работает как источник общего опыта и выработки актуальных нормативно-ценностных представлений участников общественной жизни. Вместо неё возникло коммуникативное «виртуальное поле», в рамках которого социальные процессы описываются и понимаются как сетевые игры, а не процесс последовательного развития, прогресса. С этим связан феномен безответственности элит и постправды как новой нормальности. В этом поле возможны «переигрывания» результатов коллективного действия, доставшихся живущим поколениям в виде общей исторической памяти – но речь в этом случае идёт не о создании «ложной исторической памяти», а о деконструкции исторической памяти как части идеи развивающейся истории в принципе. На место идеи исторической памяти как основы социальной идентичности и связанных с ней нормативно-цен-

ностной ориентаций личности приходит подобная новому мифу идея виртуальной фантазматической игры в реальность, где все составляющие социального процесса геймифицированы и не имеют постоянной природы. Реальность представлена здесь как плоский мир визуальных образов, изначально лишённый необходимости в симуляции, поскольку в нем не мыслится никакого процесса разворачивания истории, который было бы возможно и необходимо спектаклизировать, симулировать.

Другой вариант выхода из современного кризиса неокOLONиализма связан с идеей, которая восходит к восточной религиозно-мировоззренческой традиции не пророческого, но мистического воззрения на мир. Согласно этому воззрению мир представляет собой вечные перемены взаимообусловленных и существующих с необходимостью качественно разнородных элементов, которые находятся в комплексных динамичных качественно меняющихся взаимосвязях. Разнородный мир в этой картине мира выглядит не хаосом, но пространством различных путей и стратегий самореализации, а перспектива гармонизации видится не на основе подчинения и контроля, но на основе взаимосоответствия и самоконтроля. Вместо приведения разнородных элементов мира к единому основанию в рамках этой идеи необходимо воссоздать исторически утраченную гармонию между ними. «Лишним» здесь будет не то, что выходит за рамки единого порядка и качественного стандарта, а то, что препятствует гармонизации и сохранению исторически сформировавшегося мирового разнообразия укладов жизни. Выходом из кризиса неокOLONиального мирового порядка с такой позиции видения будет не создание качественно нового механизма организации и управления разнообразием форм общественной, экономической,

политической и культурной жизни народов, но приведение их в новое качество взаимоотношений.

Это состояние может быть достигнуто на основе использования возможностей новых коммуникативных технологий, позволяющих учитывать разнообразие и качественную специфику интересов каждого участника социальной жизни. Движение к нему может составить целый исторический этап, который можно назвать антиколониализмом – поскольку разного рода диспропорции мироустройства, порождённые в эпоху колониализма, будут существовать ещё достаточно долго и будут предметом их совместного позитивного преодоления. Этапы разворачивая колониальных и неоколониальных систем могут быть пройдены в обратном порядке, это потребует новой повестки как международной жизни, так и новых политик на уровне национально-государственных образований.

Антиколониальная перспектива не отрицает необходимости перехода к новому технологическому укладу, она может быть эффективно создана на основе нового технологического уклада, с использованием возможностей искусственного интеллекта. В этом случае отношения между бывшими колониями и метрополиями должны смениться отношениями нового партнерства в целях сохранения и воссоздания исторически присущего народам разнообразия.

В этом ключе центральным вопросом становится решение этических проблем, возникающих в контексте перехода к управлению процессами на основе использования систем искусственного интеллекта – это вопросы, с одной стороны, этических принципов, заложенных в процесс развития самих программ и, с другой – вопросы формирования этических оснований сообществ, которые его используют, фор-

мирования новой культуры государства, бизнеса, общественных организаций. Подобными проблемами уже сейчас заняты многие страны и организации, развивающие искусственный интеллект (ИИ). Так, в Китае летом 2017 года был принят План развития технологий ИИ следующего поколения. Это одна из самых продвинутых подобных стратегий, которая включает в себя инициативы, цели исследований и разработок в этой сфере, рекомендации местным органам власти, ключевые показатели эффективности и задачи развития страны в разрезе до 2030 года. Одной из важных задач является создание правовых и этических норм в этой сфере, а также обеспечение безопасности систем ИИ. Европейским союзом (ЕС) в апреле 2018 года был принят 20-страничный документ, в котором излагается подход ЕС к ИИ. На уровне Совета Европы Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЖ) приняла Европейскую этическую хартию об использовании ИИ в судебных системах и смежных областях. В январе 2019 года Консультативный комитет Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108+) опубликовал Руководство по искусственному интеллекту и защите данных. Изучением правовых и этических аспектов внедрения ИИ занимаются и на национальном уровне в странах Европы. В России во время работы над Национальной стратегией по ИИ многие эксперты высказались о необходимости расширения общественного диалога для обсуждения актуальных этических проблем ИИ, а регулирование названо одним из движущих факторов развития этой технологии. Попытки выработать соответствующие этические правила уже предпринимаются экспертным сообществом - например, сформулирова-

ны 23 Азиломарских принципа искусственного интеллекта, существуют Монреальская декларация об ответственном развитии ИИ, [11.] Модельная конвенция робототехники и ИИ [12.]. Летом 2019 года страны «большой двадцатки» смогли договориться о принципах обращения с ИИ. Они прописаны в совместном заявлении по итогам встречи министров экономики государств G20. [13.] Эти принципы носят рекомендательный характер – поскольку социальный статус ИИ не определён. Согласно документу, разработчики и пользователи технологий ИИ «должны уважать основные юридические принципы, права человека и демократические ценности». Отмечается, что только сам человек должен быть инициатором использования ИИ. Таким образом, будет повышаться уровень доверия к технологиям ИИ и полной их реализации. Системы ИИ также должны быть «устойчивы, защищены и надежны» и не должны приводить к «неприемлемым рискам». По мнению экспертов, в идеале свод таких этических правил должен носить межгосударственный характер. Вопрос о вмешательстве регуляторов для установления баланса между интересами индустрии и общества часто подразумевает обращение к инструментам «мягкого» права, в том числе созданию сводов этики. Опасность, связанная с ИИ, лежит в способности принимать решения высокого качества – то есть такие, которые могут повлиять на большое количество различных процессов, групп людей и, в перспективе, целых стран. Функция полезности осуществляемых действий ИИ для достижения результата задаётся оператором. Об этом пишет Стюарт Рассел – соавтор книги «Искусственный интеллект: современный подход». [14.] Он отмечает, что на сегодня есть две проблемы: во-первых, функцию полезности не всегда можно соотнести

с человеческими показателями, которые сложно определить, во-вторых, достаточно продвинутой системы ИИ предпочтёт обеспечить собственное существование и занять физические и вычислительные мощности, но не ради «собственной» выгоды, а для решения поставленной ему задачи. Регулятор в лице государства и законов, которые могут быть приняты в этом поле использования ИИ, сыграет ключевую роль, сможет задать правильный и мирный вектор для дальнейшего развития систем ИИ.

Выводы

На открывающуюся в ходе нынешнего кризиса перспективу смотрят как на продолжение практик колониализма, с точки зрения его воспроизводства в новой исторической форме и на основе нового технологического уклада. В мировом международно-политическом дискурсе распространена точка зрения, что степень глобальной системности международных отношений пока недостаточно велика и миропорядка вообще не существует как объективной реальности. Такие концепции рассматриваются, например, А.Д.Богатыровым в противопоставлении системных и «конгломеративных» теорий современного мира [15.]. Другими словами, нет единых тенденций и структур для всех международных отношений, нет вообще «международной системы», а есть лишь по-разному и в разном темпе живущие и развивающиеся региональные и субрегиональные подсистемы, не образующие единства [16.]. В рамках подобной трактовки усиление или ослабление США, России или Китая, улучшение или обострение отношений между отдельными участниками вовсе не «кризис» всего поля международных отношений, а лишь временная «флюктуация», «возмущение» международной среды, которое имеет ограниченные последствия,

в основном для непосредственных участников «драмы», но не для международных отношений в целом.

В то же время существует иной взгляд – исходя из перспективы деколонизации мира, когда отношения метрополия-колония уйдут в историю и на основе возможностей новых технологий будет создано мироустройство иного типа, где принципы равновесия и многообразия будут обращены к природе человека, а не к природе поработавших его реалий. «В целом необходимо общее развитие структуры международной системы в направлении устойчивой многополярности, переход к пониманию общеполитической стабильности международной системы как многостороннего процесса и баланса, который основывается не на гегемонии и противостоянии, и уж тем более не на «гарантированном взаимном уничтожении», а на системе международного сотрудничества, позитивных стимулах, взаимозависимости и балансе интересов.» [17.] Однако этот переход не будет мгновенным, потребуются исторически длительный период, соответствующая политическая воля и ресурсы. Последние могут быть сформированы в ходе поисков выхода из кризиса, то есть на основе выработки и усвоения новой исторической практики.

Находящаяся в высшей фазе своего развития неокOLONиальная система организации общественной жизни стала не только ограничением дальнейшего развития мирового сообщества, но и источником новых рисков глобального характера, поскольку начинает производить ресурсы собственного развития путём разрушения собственных компонентов. Вслед за ядерной и экологической угрозой пандемия проявила уровень биотехнологической угрозы, на пороге угроза тотального

контроля с применением искусственного интеллекта. Развитие искусственного интеллекта, сетевой организации, индивидуализации и изменения характера труда, использования нано- и био-технологий, экологически чувствительных циклов производства и потребления критически обострило созданные в эпоху колониализма социальные противоречия как на глобальном, так и на локальном уровнях. В этих условиях у всех, на ком эти противоречия сказываются, возникают деструктивные мотивы использования возможностей нового технологического уклада, новые возможности порождают новые угрозы. Вопрос не в том, будут ли развиваться новые технологии, а в том, кто и с какими целями будет это делать в имеющихся общественных условиях. Центральной проблемой дальнейшего развития становится проблема социальной справедливости как основного условия формирования этической диспозиции и мотивации поведения человека в новой технологической среде. Эта среда обладает новым уровнем взаимозависимости и рисков жизненной среды человечества. Новые технологические возможности увеличивают зависимость индивида от динамики общественной жизни, однако и последняя становится более зависимой от его персональной активности. Перспективы ближайшего будущего зависят от того, насколько и каким образом трансформируется глобальная неокOLONиальная институциональная система.

В Восточной Европе и в государствах бывшего СССР завершился тридцатилетний период жизни пост-социалистических обществ, возникших после того, как завершился период индустриального развития в форме «борьбы систем» в прежнем её виде. На этапе первой трансформации мирового хозяйства, начавшейся в 1989-91г.,

изменился «социалистический лагерь» и был включён в систему глобального капитализма – что подорвало её изнутри, т.к. она была лишена формального мотивационно-организующего начала и освободилась от необходимости удерживать общественную солидарность. Возникшие после 91г. общественно-государственные по форме и частнособственнические по содержанию пост-социалистические институты (включая государство), осуществлявшие трансформацию обществ в направлении создания условий для функционирования капитала, выполнили свою историческую задачу и находятся на пороге новой трансформации теперь уже в качестве фрагмента глобальной неокOLONIALНОЙ системы, которая сама находится в кризисном состоянии и утратила горизонт исторического будущего. Поэтому утратившие свою пост-социалистическую основу общества находятся в состоянии аномии – прежние и знакомые нормы и ценности уже не действуют, новые ещё не сложились исторически. Начинается строительство нового типа социальных институтов, ориентированных уже не на трансформацию, а на функционирование новой системы мирохозяйства, которая сама еще не сложилась, поскольку имеет глобальный характер. Эта новая система возможна лишь как результат совместной трансформации всех её сегментов – включая и страны бывшего «ядра» мировой экономики. Это будет занимать определённое историческое время и может стать смысловой задачей поколения, которое сформировалось в эпоху «однополюсного мира». Используя категории мир-системного подхода, можно сказать, что «ядро» мир-системы распадается и трансформируется вслед за периферией, которая находится в состоянии выработки собственной перспективы дальнейшего существования

в «безъядерном» мире. Это определяет перспективу качественных изменений мирового хозяйства, формирует новое историческое будущее – отличающееся от того, которое существовало в условиях «окончательной победы» неоллиберализма, капитализма над социализмом в конце XX века и гиперколониализма как единственной альтернативы двадцать первого века.

В этом процессе разрушаются прежние международные институты и в этом же процессе возникает объективная новая повестка их сотрудничества, к которой они ещё не подошли субъективно. В парадигме нового мирохозяйства на национальном уровне задаются нормативно-ценностные представления, формируется кадровое обеспечение управленческих структур нового, сетевого типа. На место «сетевых организаций» как проекции индустриального порядка в киберкоммуникативном пространстве приходят кибер-платформы как «организованные сети».

Всё это движение проявляется в виде специфических нерешаемых экономических, политических, социальных и культурных проблем, которыми живёт каждая страна как единый комплекс находящихся в противоречии прежнего и нового «обществ» и «государств». В виде политической борьбы идет противоборство носителей нового и старого укладов и формы этой борьбы вышли и все больше выходят за рамки сложившейся в прошлом политико-правовой системы и режима с элементами парламентской демократии. По отношению к процессу воспроизводства капитала можно выделить социальные проблемы, связанные с моментами производства, распределения, обмена и потребления. С точки зрения трансформации структурной организации глобальной системы можно выделить

проблемы, связанные с формированием прибавочной стоимости, её выведением, концентрацией и запуском в производство. Здесь также удерживаются старые формы и пробивают себе дорогу новые.

С воем рассуждении мы исходим из того, что в каждую историческую эпоху (эон) складывается и исторически существует, развиваясь, качественно определённая технологическим, духовно-практическим и социально-организационным набором средств производства жизни связывающая страны и народы мир-система. Она в своём развитии проходит пять основных фаз трансформации – развития и роста, стабилизации, проявления полноты свойств, вызревания кризиса и упадка. В фазе кризиса возникают новые свойства и средства, которые начинают распространяться в фазе упадка и становятся основой развития и роста на следующем этапе. Возможно, нынешний мир переживает именно эту фазу – вызревание кризиса колониальной мир-системы началось после распада СССР и вошло в стадию упадка с дестабилизацией альтернативного ему центра, потерявшего прежний качественный смысл.

«Начало конца» в 1991г., обозначившееся кризисом перестройкой одного полюса мир-системы и победой неокOLONIALИЗМА, завершилось через 25 лет в 2016г. кризисом и перестройкой другого. За этот период было сформировано новое историческое поколение, которое выступает движущей силой упадка и демонтажа прежних системных факторов, окончательно утратила свою целостность нормативно-ценностная основа прежней мир-системы, что проявилось в событиях 2020г. Нынешние события многие рассматривают как девиацию, отклонение, которое лишь усилит прежнюю систему организации жизни. Но это логика намерений,

а не логика рационального восприятия обстоятельств - начавшейся глобальной перезагрузки. И та и другая парадигма восприятия достаточно обоснованы и в их рамках сформировано много убедительных аргументов – но бесспорным фактом является их наличие и распространённость не в практиках академического мышления (где до поры сохраняются самые разные культуры восприятия реальности) а в практиках идеологического строительства и борьбы. Здесь действуют другие правила – аргумент силы имеет приоритет над силой аргумента, но это не меняет логики исторического процесса. По вопросам веры спорить бессмысленно – лишь ближайшая практика покажет истинность тех или иных представлений.

Представляется, что в настоящее время формируется новый горизонт трансформаций глобализированного мира, в котором могут реализовываться три парадигмальных варианта выхода из противоречий, принципиально не решаемых в рамках современного неокOLONIALИЗМА:

1. Переход к глобальному гиперколониализму – превращение в источник прибавочной стоимости уже не только природных ресурсов и практик совместной производственной деятельности, но и индивидуального жизненного мира человека в масштабах всего человечества. Торжество «цифрового рабства» или «кибертоталитаризма». Вслед за «независимостью» в форме неокOLONIALИЗМНОЙ государственной организации жизни народов (путем принудительного включения их в контролируемое финансовой олигархией глобальное разделение труда) будет реализована «независимость» индивида в форме его контроля искусственным интеллектом, путем создания условий для превращения в товар уже не только его телесных ресурсов,

процесса и результатов деятельности, но и его душевных жизненных проявлений – внимания, эмоционального, воспроизводства рода (добровольная стерилизация), экзистенции (добровольная эвтаназия), формирования виртуальной исторической памяти и культуры. Для этого продуцируется соответствующая новая глобальная киберкультура.

2. Переход к антиколониализму – движению по глобальной «располяризации» мира, устранению политических, экономических, социокультурных, организационных и технологических диспропорций созданного в эпоху капиталистической колонизации миропорядка. Идея нового равенства, взаимодействия народов без отношений колония-метрополия, организации процесса исторической реституции и перераспределения результатов исторического развития, становятся все более привлекательной в самых разных формах. Это предполагает создание соответствующих международных альянсов и новых политик национальной консолидации на основах сохранения и развития условий обеспечения таких целей, как долговременный порядок, целостность правительства, ясность политики, долгосрочная стабильность общественных связей и государственного управления. На смену идеологии неолиберализма может прийти идеал коммунитарной этической эффективности – организации жизни народов и стран с целью формирования общей судьбы и ответственной свободы, соборности, движения к реализации справедливости для всех и реализации лучших качеств человеческой природы. Например, ценностями новых институтов может стать их способность поддерживать самоотверженность, осмотрительность, твердость, энергичность и скромность в работе и потреблении, способность осваивать инновации в

интересах сохранения и развития народа.

3. Переход к состоянию миропорядка, который можно назвать многоукладной глобальностью. Образование ряда глобализированных сегментов нового миропорядка, состоящих из обществ, которые организованы на различных, укорененных в их автохтонных культурах и мировоззренческих принципах. После кризиса однополярного неокolonизма могут сформироваться параллельные, организованные в глобальных масштабах и на новой технологической основе экономические, политические комплексы стран и народов. При этом некоторые страны окажутся в положении зон «совместного» доступа к разным сегментам со стороны действующих агентов из разных новых полюсов. Новый, более высокий уровень использования ресурсов и капиталов, новые рынки могут сформироваться не путём упрощения на новой абстрагирующей основе (еще более абстрактного образа индивида), а за счёт дальнейшего усложнения мира (действительной индивидуализации) – когда один и тот же ресурс будет работать одновременно в нескольких качествах.

(Неким формальным прообразом этого может быть проекты, в которых ручной труд в агрохозяйстве используется в виде «сельскохозяйственного туризма» - когда одновременно идет процесс использования природного ресурса и рабочей силы как сельскохозяйственного и туристического бизнеса.) Государство как система институтов в этом случае начинает работать на обеспечение такого доступа в режиме безопасности и на развитие присущих народу специфических социокультурных ресурсов. При этом территориально некоторые государства, возникшие как инструмент неокolonизации народов, могут распадаться или ин-

тегрироваться в новых формах прежние. Важную роль в этом отношении могут выполнять единства природных экосфер, предполагающие совместное хозяйственное использование и воспроизводство в силу своей органической целостности.

Для достижения такого состояния необходима новая международная культура глобальности, которая сделала бы такую многомерность устойчивой. Возможно, она и вырабатывается в перспективе усложняющихся и нарастающих конфликтов, которые возникают вследствие кризиса неокOLONиализма, сопровождающегося развитием нового технологического уклада. В нынешних условиях ни экономическая, ни военная, ни культурная экспансии в современных технологических и экологических условиях становятся все более невозможными из-за неприемлемости соответствующих рисков для будущего любого народа. Поэтому такой порядок может выглядеть не как конкуренция или «соревнование систем», но как сотрудничество на основе сворачивания глобальности системы неокOLONиализма. Это «обратное историческое движение», где отношения колония-метрополия сохраняются в новом формате, но затрагивают жизнь всё меньшего числа сообществ и касаются всё меньшего числа сторон их жизни. Это мир, в котором производственные ресурсы свободно перемещаются между несколькими глобальными сферами, где создаются наиболее привлекательные для их носителей условия самореализации. Это передвижение в определенных случаях не будет требовать физического перемещения – подобно тому, как сегодня оставаясь в своей стране, человек может менять работу, уходя из одной корпорации в другую.

Структурная композиция мироустройства (страны ядра, периферии и полу-перифе-

рии), возникшая в период колониализма, при этом сохраняется еще длительное время, однако направленность и модусы отношений колония – метрополия получают новое качество и результат. На какое-то время бывшие метрополии могут стать ресурсом развития бывших колоний.

Многоукладность глобального мира может представлять собой структуру миропорядка, образуемую рядом «цивилизационных миров», образованных на основе ряда ослабляющихся «полюсов», ориентированных на исторически схожие (имеющие общее прошлое) социокультурные парадигмы самоорганизации. К первому может принадлежать мир классического капитализма – возврат Европы в качестве «колонии» Африки и ЮВА, США – Южной Америки. Ко второму – мир образуемый странами БРИКС вокруг идеи общей судьбы и единого пути. Могут возникнуть также более локальные сообщества народов, имевших в прошлом общее колониальное прошлое.

~